

У Феофана же религиозный аспект, как правило, заметно приглушен, а в некоторых проповедях и совершенно отсутствует. Прокопович выступает не столько как православный христианин, борющийся за чистоту веры, сколько как политический деятель, оценивающий события с точки зрения государственных интересов. Это изменение внутреннего смысла проповеди существенно меняет характер и самого жанра. И Яворский, и Бужинский, и другие проповедники петровского времени касались злободневных вопросов современности, но только у Прокоповича проповедь перестает быть проповедью в собственном смысле этого слова и становится произведением светским, жанром публицистическим по преимуществу.

Если в упоминавшейся проповеди Бужинского, посвященной Полтавской победе, тема благодарения бога доминирует, занимая и по объему большую часть текста, то у Прокоповича эта же тема звучит только в самом начале и в заключении его проповеди на тот же случай. Феофан как бы отдает дань необходимому канону, причем ограничивается всего несколькими фразами и переходит к вопросам, занимающим его более глубоко: он говорит о Полтавской победе как о героическом подвиге русского народа. Самое воспоминание о победе, одержанной восемь лет назад (проповедь произносилась в 1717 г.), приобретает патриотический смысл. Обосновывая уместность своего выступления, Прокопович заявляет: «Человек, о славе отечества своего нерадящий всегда у мужей мудрых в не дорогой цене ходит, яко малодушный и грубый» (С, 49).

Излагая причины войны со шведами, Прокопович в основном следует «Рассуждению» П. Шафирова, причем мотив «зависти» варьируется и развивается очень подробно. Наконец, переходя к описанию военных событий, Феофан как будто забывает о «божиих благодеяниях» и восхваляет уже не бога, но людей — непосредственных участников тяжелой борьбы с сильным и опытным неприятелем. «Разбила руская храбрость замок ваш Ноттембург, — говорит Феофан, обращаясь к «супостатам», — разорила Канцы, добыла Дерпта крепкаго, сломила железную Нарву» (С, 53).²¹ Особенно важны строки, посвященные самому решительному моменту войны — Полтавскому бою: «Блисну отовсюду страшный огонь, и возгремели смертоносныя громи. Отовсюду чаяние смерти, а дымом и прахом помрачился день; непрестающая стрельба, а упор неприятельский непреклонный. Но сердца российская ваша, храбрейшии генералы и протчии офицеры, ваша, вси воины дерзостнейшии, сердца забыли телеснаго своего состава, возмнилися себе быти адамантиновы, или паче забыли житейския сладости и смерть предпочли на житие: так вси прямо стрельбы, в лице смерти, никто же вспять не погля-

²¹ Курсив мой, — Н. К.